

created under the influence of geopolitical contradictions of the Past which else opened to nobody the true essence.

Key words: historical and legal myth, "the Russian barbarity", theory of the natural right, autocratic power

С. С. Беляков

Старший преподаватель кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), кандидат исторических наук.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИИ ХОРВАТСКОГО
ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА:
конец 50-х – начало 80-х гг. XIX в.**

В последней трети XVIII – начале XIX вв. начинается процесс складывания национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы, являвшийся, в свою очередь, одним из показателей формирования современных наций. Этот процесс получил название «национального Возрождения». Именно в русле этого процесса произошло зарождение и развитие хорватского этнического национализма. Рост популярности националистической партии, конечной целью которой являлось создание независимого хорватского государства, являлся свидетельством стремительного роста национального самосознания хорватов. Сама деятельность правашей, формирование ими идеологии хорватского этнического национализма, их усилия по распространению своих идей в хорватской этнической среде свидетельствовали о переходе процесса становления хорватской нации на новую, более высокую, по сравнению с иллирийским периодом, стадию.

Ключевые слова: национализм, Хорватия, национальное Возрождение, нация

В последней трети XVIII – начале XIX вв. начинается процесс складывания национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы, являвшийся, в свою очередь, одним из показателей формирования современных наций. Этот процесс получил название «национального Возрождения» (1). Именно в русле этого процесса произошло зарождение и развитие хорватского этнического национализма.

Первая половина XIX в. ознаменовалось началом пробуждения национального самосознания хорватского этноса. Процесс этот коснулся в первую очередь хорватской интеллектуальной элиты. Его выражением стало формирование идеологии иллиризма в 1830–40-е гг. Странники иллиризма считали южных славян единым народом – потомками жителей древней Иллирии. Иллиризм был направлен, в первую очередь, против германизации и мадьяризации южных славян Габсбургской империи, при этом он оставался движением не столько политическим, сколько культурным. Иллиризм не был ни массовой идеологией (он затронул лишь городскую интеллигенцию и духовенство), ни собственно хорватской националистической идеологией, однако свою роль в формировании хорватского национального самосознания он сыграл (2). Как отмечает хорватская исследовательница М. Гросс, иллирийская идея служила созданию и укреплению хорватской идентичности, содействовала защите от экспансии немецкой и венгерской национальных идеологий. Иллирийская идея служила средством «преодоления локального партикуляризма» (3). «Именно в период иллиризма Хорватия все более осознавалась... как страна хорватского народа, этнокультурная традиция которого не прерывалась на протяжении всей его истории» (4). Не случайно «отец» хорватского национализма Анте Старчевич в молодости разделял иллирийские взгляды.

Однако уже в начале 1850-х гг. Старчевич начинает отходить от иллирийских идей. На страницах издававшейся Людевигом Гаем, крупнейшим идеологом иллиризма, газеты «Народне новине» («Narodne novine») Старчевич критиковал великосербские взгляды Вука Караджича, который считал все население, говорящее на штокавском диалекте (наиболее распространенном из трех основных диалектов сербохорватского языка) сербами, а также критиковал просербскую трактовку идентичности южнославянского населения Балкан в трудах известного словацкого ученого Шафарика. Тогда же Старчевич решительно отказался от традиционной трактовки ислама как враждебного хорватству и выдвинул идею о принадлежности боснийских мусульман к хорватскому народу (5).

Важными вехами в процессе складывания идеологии будущей Партии права стали вышедшая в 1859 г. на французском языке работа Эугена Кватерника «Хорваты и итальянская конфедерация» и составленное Анте Старчевичем в 1861 г. «Обращение Риекской жупании», адресованное австрийскому императору. Это были первые подлинные манифесты правашей, как стали впоследствии называть сторонников Партии права. Центральное место в этих произведениях занимала идея хорватского государственного права (6). Эта идея стала своеобразной трактовкой классического принципа народного суверенитета. С точки

зрения Старчевича и Кватерника, хорватский народ никогда не отрекался от своего суверенитета. Кватерник и Старчевич указывали на то, что хотя хорваты в 1102 г. и передали власть над хорватским королевством венгерской династии Арпадов, а после битвы при Мохаче в 1526 г. – Габсбургам, это не означало превращения Хорватии в провинцию Венгерского королевства или Габсбургской монархии. Напротив, Арпады и Габсбурги стали всего лишь хорватскими королями и только в качестве хорватских королей могли править землями Хорватии, Славонии и Далмации. Арпады и Габсбурги стали королями Хорватии не «милостью Божией», а решением хорватского сабора (представительного органа), следовательно, в основе отношений хорватов со своими королями имело место не подчинение, а договор. Из этого следовало также, что хорваты, оставаясь источником суверенитета, могли лишиться иноземную династию власти в том случае, если она нарушала договорные начала. За века правления Габсбургов таких нарушений накопилось множество, ибо суверенные права хорватов систематически попирались Веней. А раз так, то за хорватами остается право расторжения «договора». Несмотря на это, хорватский народ на всем протяжении истории сохранял элементы государственности (сабор, особое управление, договорной характер отношений с королями и т. д.) (7). В другом обращении, составленном Старчевичем и направленном другим жупанийским скупщинам (местным представительным собраниям), особо подчеркивалось, что хорватский народ не связан с другими землями империи Габсбургов (в том числе с Венгерским королевством, в состав которого *de jure* и входили Хорватия и Славония) ничем, кроме особы императора (8).

Свои идеи Старчевич повторил в Хорватском саборе в 1861 г. Тогда же он выдвинул свой знаменитый лозунг: «Бог и хорваты», означавший, что в хорватских землях законную власть имеют только Господь Бог и хорватский народ (9).

Основополагающими принципами идеологии правящей стали национализм и панхорватство. Старчевич был убежден в том, что «нация без самостоятельного и независимого государства не может быть нацией, это просто население, сборище челяди <...> Пока нация желает оставаться нацией, она будет бороться за свою самостоятельность и независимость. Это условие нашего существования, это дух и цель нашей программы. Только тогда, когда эта задача будет решена, можно будет основательно взяться за решение проблем внутренней жизни нации» (10). Борьба за создание независимого хорватского государства (под властью Габсбургов или нет, не суть важно) стала главной задачей правящей. Панхорватское понимание хорватской нации Старчевичем означало, что все население земель между р. Соча (в словенских землях) и Македонией, между Дунаем и Адриатикой считалось хорватами. Сло-

венцы и босняки-мусульмане рассматривались как региональные формы идентичности, наподобие славонцев и далматинцев, и все они являлись частью хорватской нации (11). Старчевич не видел того факта, что османская экспансия и многовековая борьба с ней католической Европы привели к значительным этническим миграциям, в результате которых гомогенность проживания хорватского этноса была утрачена. На территориях, которые основоположники хорватского национализма считали «хорватскими», чресполосно проживали хорваты-католики, православные сербы и мусульмане.

Старчевич решительно отказался от распространенной на Балканах идентификации национальной и религиозной принадлежности. Так «босняков всех трех вер» (то есть, католиков, православных и мусульман) Старчевич однозначно считал хорватами (12). Особенно же выделял он боснийских мусульман, называя их «самым благородным дворянством, которое только знала Европа», не имеющим ничего общего «с турецким мусульманским племенем» (13).

Одной из основных целей правашей стало объединение всех хорватских земель. Дело в том, что Хорватия и Славония находились в составе Венгерского королевства, Истрия и Далмация были причислены к собственно австрийским землям. Военная граница находилась под непосредственным управлением Вены, равно как и оккупированная в 1878 г. Босния и Герцеговина. Праваша упорно стремились объединить все эти земли в единое целое хотя бы и под скипетром Габсбургов. Однако лишь территория бывшей Военной границы была присоединена к Хорватии и Славонии в 1881 г. (14).

Особое место в идеологии правашей занимал сербский вопрос. Процессы становления национального самосознания сербского и хорватского народов совпали и во временном и, в значительной степени, в пространственном отношении. Сербские и хорватские националисты выдвигали претензии на одни и те же земли, оспаривали друг у друга национальную принадлежность населения этих земель. Складывание национального самосознания хорватов и сербов, проживавших на полиэтничных территориях, включало в себя неизбежное противопоставление «своих» «чужим», что также негативно сказывалось на их взаимоотношениях. Так сербский и хорватский национализмы оказались исторически связаны друг с другом.

Сербофобия стала одной из основных черт идеологии правашей. Ряд исследователей пытался оспорить этот факт. Так В. Богданов, обращаясь к трактовке известного термина А. Старчевича «славосерб», указывает на то, что «отец Отечества» не относил его к собственно сербам, так как считал сербов частью хорватской нации, а «славосербами» называл разного рода предателей, прислужников режима, угнетателей

хорватов. Таким образом, термин «славосерб» обозначает не национальную или этническую, а политическую и этическую категорию. В качестве доказательства Богданов приводит высказывание Старчевича о «славосербах всех национальностей» (15). При этом Богданов игнорирует тот факт, что Старчевич использовал не только термин «славосерб», но и термин «серб». Так в своем сочинении «Имя серб» Старчевич доказывал, что никакой сербской нации нет и быть не может. Сербами (от лат. *servus* – раб) называли пленных, рабов и их потомков. Особой национальной идентичностью они не обладают и принимают ту национальность, которая господствует в той земле, где эти «сербы» оказались: в Греции они греки, в Болгарии – болгары, в Хорватии – хорваты. Собственно же хорваты – «господствующий народ», некогда завоевавший и ассимилировавший иноэтничное население Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и других «хорватских» земель (16). Великого прошлого у «рабов», естественно, быть не могло, а потому средневековая сербская держава Неманичей, по мнению Старчевича, была хорватским государством. В конце 1870-х гг. издававшаяся правашами газета «Слобода» («*Sloboda*») писала, что «православных хорватов» нельзя ни в коем случае называть «позорным сербским именем», что Сербия всего лишь один из краев Хорватии, что за хорватами стоит историческое и государственное право, а за «сербями» только австрийские деньги (17) (праваша обвиняли Вену в том, что она искусственно «конструирует» сербскую идентичность для того, чтобы расколоть хорватскую нацию).

Что до термина славосербы, то при всей своей многозначности, он относился, в первую очередь, к носителям сербского национального самосознания и к югославистам (выдающегося хорватского ученого и общественного деятеля, убежденного югослависта епископа Й.Ю.Штрессмайера Старчевич называл «вождем славосербов» (18)). И те, и другие, с точки зрения Старчевича, предавали хорватский народ, ибо отказывались от хорватской идентичности в пользу сербской или югославской. Показательна даже расширительная трактовка понятия «славосербы»: те, кто действуют в угоду иностранцам и вопреки интересам собственного народа (19). Для Старчевича «славосербы» были «рабским племенем», «гнусным скотом», не достойным даже имени животных, не то что людей (20).

Следует учитывать тот факт, что среди «правашей» не было полного единства по сербскому вопросу. Но преобладала все же сербофобская ориентация. Э. Кватерник не разделял панхорватство Старчевича. Он признавал существование сербского народа, однако считал его народом «рабским» и «неблагодарным». Неблагодарность их заключалась в том, что они своим «православным религиозным фанатизмом» обратили «хорватов восточной веры», которые «приютили сербов», когда те бе-

жали от турецкого ига, в сербов. Однако Кватерник признавал за сербами право на существование вне хорватских земель. – в Сербии и южной Венгрии (21). Но ни Старчевич, ни Кватерник не признавали за людьми, обладающими сербским национальным самосознанием, права жить на хорватских землях.

Следует отметить, что сербские националисты в то время, случалось, выдвигали концепции, являвшиеся зеркальным отражением сербофобских идей Старчевича. Например, в 1887 г. газета «Србобран» («Srbobran») неоднократно писала о том, что хорватского народа не существует в природе, а хорваты – это никто иные как окатоличенные сербы (22).

Относительно воззрений на природу самой хорватской нации у правашей также не было согласия. Кватерник полагал, что хорватами являются те, в чьих жилах течет кровь тех «братьев и сестер, что привели хорватов в их Отечество и положили основание хорватской нации и хорватскому государству» (23). Старчевич, напротив, считал, что единство хорватского народа не биологическое, а скорее духовное. Он прекрасно осознавал, что чистых в этно-расовом отношении народов нет в природе. Хорваты – не исключение, они тоже представляют собой смесь различных народов, что, однако, не мешало им национальному единству (24). По мнению М. Гросс, воззрения Старчевича на природу хорватской нации носили не этно-расовый характер, а основывались на романтическом учении о том, что всякий народ имеет свой вечный «дух» (25). Именно этот «дух» хорватов, народа «господствующего», позволил им ассимилировать другие народы, некогда населявшие хорватские земли.

Принципиально важно отметить, что ни Старчевич, ни Кватерник не считали религию фактором, влияющим на национальную принадлежность. Старчевич прямо писал о том, что вера – личное дело каждого человека, а нацию нельзя разделить по религиозному признаку. Нация может быть разнородна по религиозной принадлежности, но оставаться единой. Религиозные распри в Хорватии на руку лишь ее врагам (26). Отдавая католичеству предпочтение перед православием, Старчевич оставался убежденным противником участия церкви в политической жизни и считал, что религия ни в коем случае не должна влиять на политическую жизнь. Вряд ли можно считать сторонником клерикализма и Кватерника, несмотря на то, что последний, несомненно, был убежденным католиком (27).

Старчевич был убежденным сторонником идей Великой французской революции, он выступал за равенство всех граждан перед законом, за либеральные свободы, за гарантированную законами защиту прав личности, за частную собственность на землю (28). Он был сторонником парламентаризма, но вопросы политического и социально-

экономического устройства будущего хорватского государства для него были все-таки на втором плане. Следовало прежде всего добиться независимости, а затем уже заниматься обустройством страны (29). Вопрос о том, должно ли хорватское государство быть монархией или республикой, он также считал второстепенным (30). Э. Кватерник, в свою очередь, был монархистом и считал хорватов «монархическим народом» (31).

Особый вариант правашства сложился в Далмации. Далмация в XIX в. была одной из наиболее отсталых земель монархии Габсбургов. Процесс пробуждения национального самосознания хорватского народа начался в Далмации несколько позднее, чем в Хорватии и Славонии. На формирование хорватской националистической идеологии в Далмации повлияли учение Старчевича и идеи далматинского хорвата Миховила Павлиновича, разработавшего в 1860-1870-е гг. собственный вариант хорватской националистической идеологии. В отличие от Старчевича, Павлинович был не просто верующим католиком, но и являлся сторонником католического клерикализма. Католическую церковь он считал важнейшей опорой хорватской нации, необходимым условием ее развития. Истинный хорват, с его точки зрения, был обязан любить «нашу веру и святую мать-церковь» больше, нежели Отечество. Существование сербского народа он, как и Кватерник, признавал за пределами хорватских земель. С его точки зрения, хорватов и сербов объединяют этническое происхождение и язык, но разделяет вера и отсутствие единого национального самосознания, которое и является основой нации. Вместе с тем хорваты, принявшие в Средние века православие, с его точки зрения, сохранили хорватскую идентичность. «Хорваты восточной веры» отнюдь не сербы (32). Идеи Павлиновича повлияли на редактора газеты «Католичка Далмация» дона Продана, опубликовавшего в 1884 г. собственную программу, в которой клерикальное начало было еще более заметным. Истинный хорватский патриотизм, с его точки зрения, может быть основан только на католицизме, что в корне противоречило тезису Старчевича о том, что религиозные идеи не могут быть составной частью политической программы (33). Праваша отрицательно отнеслись к этим идеям. Анте Трумбич на страницах партийной газеты «Хрватска» подверг клерикализм Продана резкой критике (34). Тем не менее, сам факт возникновения еще одного, на этот раз католического варианта хорватской националистической идеологии, свидетельствовал о дальнейшем развитии национального самосознания хорватского народа.

Партия права медленно, но верно искала путь к сердцам хорватов. Если в 1860-е гг. идеями правашей, помимо небольшой группы молодых людей из окружения Старчевича и Кватерника, увлекались неко-

торые хорватские студенты, обучавшиеся в Вене, Граце и Праге (35), то в пору своего расцвета. в начале 1880-х гг., Партия права «объединила вокруг себя большую часть хорватского народа и стала единственным настоящим выразителем его воли» (36). Правильней, впрочем, сказать – хорватской политической и интеллектуальной элиты, поскольку большая часть хорватов в то время еще была лишена даже избирательного права. Рост популярности националистической партии, конечной целью которой являлось создание независимого хорватского государства, являлся свидетельством стремительного роста национального самосознания хорватов. Сама деятельность правящей, формирование ими идеологии хорватского этнического национализма, их усилия по распространению своих идей в хорватской этнической среде свидетельствовали о переходе процесса становления хорватской нации на новую, более высокую, по сравнению с иллирийским периодом, стадию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее см.: Фрейдзон В. И. О национальном возрождении и последующем периоде в истории Центральной Европы // Центральная Европа в Новое и Новейшее время. (Сборник к 70-летию Т.М. Исламова) / Отв. ред. А. С. Стыкалин. М., 1998. С.87-112; Чуркина И.В. Некоторые особенности славянского Возрождения // Межрегиональная конференция славистов: Российское славноведение в начале XXI века: Задачи и перспективы развития. М., 2005. С. 151-164.
2. Подробнее см. Лещиловская И. И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
3. Gross M. Izvorno pravaštvo: ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000. S. 38.
4. Фрейдзон В.И. История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики. СПб., 2001. С. 109.
5. Gross M. Op. cit. S. 56, 57-58, 62.
6. Собственно идея хорватского государственного права еще в XVIII веке выдвигалась хорватским дворянством в качестве противовеса претензиям венгров. Хорваты подчеркивали, что являются подданными австрийского императора и венгерского короля, но их земля не является частью Венгерского королевства. См.Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 67.
7. Kvaternik E. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 67-82; Starčević A. Izabrani spisi. Zagreb, 1945. S. 7-12.
8. Starčević A. Izabrani spisi. S. 13-25.
9. Ibid. S. 61-80.
10. Ibid. S. 416, 417.

11. Starčević A. Misli i pogledi. Zagreb, 1971. S. 88-89.
12. Starčević A. Izabrani spisi. S. 429.
13. Ibid. Izabrani spisi. S. 430.
14. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 190.
15. Bogdanov V. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj: Od prvih grupiranja do 1918. Zagreb, 1958. S. 742-743.
16. Цит. по: Gross M. Op. cit. S. 230-232.
17. Gross M. Op. cit. S. 373-374.
18. Ibid. S. 380-381.
19. Ibid. S. 258-259.
20. Ibid. S. 250-252.
21. См.: Kvaternik E. Op. cit. S. 541-579.
22. Gross M. Op. cit. S. 574.
23. Ibid. S. 574.
24. Starčević A. Izabrani spisi. S. 413-414.
25. Gross M. Op. cit. S. 347-348.
26. Starčević A. Izabrani spisi. S. 504-505.
27. Попытавшись поднять в октябре 1871 г. близ Раковице восстание против «швабско-мадьярского господства», Кватерник призвал, в частности, и католических, и православных священников учить народ жить «в христианской любви и согласии». Само Раковицкое «восстание» носило ярко выраженный национальный, но ни в коем случае не религиозный характер.
28. Starčević A. Izabrani spisi. S. 420-421, 423-426.
29. Ibid. S. 416-417, 443.
30. Ibid. S. 448-449, 453.
31. Gross M. Op. cit. S. 267-268.
32. Pavlinović M. Hrvatski razgovori. Zagreb, 1994. (Pretisak jz. 1877). S. 113-114, 167-168, 172, 174.
33. Gross M. Op. cit. S. 675-677.
34. Ibid. S. 723.
35. Gross M. Op. cit. S. 259-260, 264.
36. Bogdanov V. Op. cit. S. 729-730.

S. S. Belyakov

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF IDEOLOGY OF THE
CROATIAN ETHNIC NATIONALISM:
the end of the 50th – the beginning of the 80th of the XIX century.**

In the last third of XVIII – the beginning of the XIX centuries process of folding of national consciousness of the people of the Central and Southeast Europe, being, in turn, begins one of indicators of formation of the modern nations. This process received the name of "the national Renaissance". In line with this process passed origin and development of the Croatian ethnic nationalism. Growth of popularity of the nationalist party which ultimate goal was creation of the independent Croatian state, was the evidence of prompt growth of national consciousness of Croats. Activity pravashy, formation by them of ideology of the Croatian ethnic nationalism, their effort on distribution of the ideas in the Croatian ethnic environment testified to transition of process of formation of the Croatian nation on new, higher, in comparison with the Illyrian period, a stage.

Key words: nationalism, Croatia, national Renaissance, nation

Э. А. Замов

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры Востоковедения Уральского государственного университета (Россия, 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51), кандидат исторических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7(343) 350-75-43. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru

**«МОЯ БОРЬБА» А. ГИТЛЕРА И
«ДОКТРИНА ФАШИЗМА» Б. МУССОЛИНИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Во время Второй мировой войны советские идеологи прагматично подвели взгляды Гитлера и Муссолини под единое понятие «фашизм». Несомненно, слово «национал-социализм» не могло не вызвать благоприятного подсознательного отклика в душах советских людей (изначально подготовленных пропагандой к положительному восприятию слова «социализм»). Сложилась традиция отождествления взглядов А. Гитлера и Б. Муссолини, упрощающая довольно сложный процесс филиации их идей. Наша статья посвящена сопоставлению взглядов этих двух политиков на материале книг Муссолини «Доктрина фашизма» и Гитлера «Моя борьба».

Муссолини и Гитлер представляли собой синтез двух исторических содержаний понятия «националист». Первый был склонен к гегельянскому мировоззрению, второй склонялся к мировоззрению в духе